

ЖОПС. 1992. 13 мая

Александр Калягин:

Мне не стыдно ни за одну из своих ролей

Он безнадежно опаздывал. Аж на сорок минут. Вахтер МХАТа, отставной полковник погранвойск, обнадеживал: «Раз Калягин обещал, значит, придет».

Зато ворвался Александр Александрович энергично: «Страшные пробки!» Через минуту он успел объяснить какой-то женщине в любви и раскланяться с целой кучей народа.

Его любят в театре. Его любят зрители. Но что он за человек?

Он эмоционален и обаятелен. Он много говорит. Но не вызывайте Калягина на откровенность. Это не тот случай, когда душа нарасташку.

Дополнительно известно одно: он лицедей. Он умеет плакать и смеяться. И недоговаривать.

В детстве его потряс Чаплин: «Я бредил Чаплином, я с ума сошел. Во мне что-то переломилось».

О нем пишут: «Калягин с легкостью растрчивает талант в каждой новой роли». Но, странно, каждая его новая роль встречается на «ура», и о кризисе никак не скажешь. «Неизвестный» Калягин?

Калягин не любит критику. И интервью дает крайне неохотно:

— А зачем? Мне непонятна позиция критики. Все ищут «жареного» или просто умничают, выясняют отношения между собой.

— Вас это не устраивает, конечно?

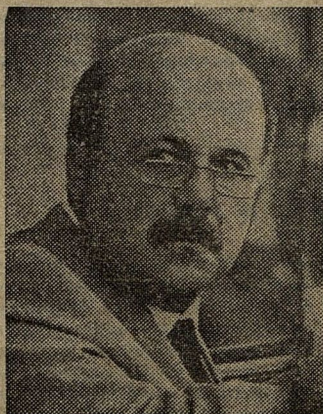
— Да не в этом дело. Во всем должна существовать нравственность.

— Вы следуйте этой аксиоме?

— Я не скажу, что сам всегда был до конца нравственным. Естественно, нет. Со мной очень трудно. Я вообще эгоист. Но, опять же, дело не в этом.

— А в чем?

— Поверхностность и пере рождение — вот что меня занимает. Вот звонят мне с Российского радио (начинается чисто калягинская импровизация. — С. Б.): «Александр Александрович, это Российское радио. Давайте побеседуем о том, как вы сыграли роль Ленина». Я отказался. Знаешь, почему? (Интригующая пауза. — С. Б.).

Ну что же вы будете спрашивать о роли Ленина, подумал я, с самого начала зная, что в этом есть «жареное». Ну как же, Калягин, известный комик, а вот, поди ж ты, и он в свое время «отметился». Я не хочу, чтобы копались в моей душе. Но это предположения, а вот пример: «Независимая газета» с рецензией на «Игроков». Я сам знаю, что спектакль не безупречен. Ну и пусть пишут, что спектакль не понравился. Что делать, бывает. Так нет же, в конце заметки фраза, которая сразу объясняет личность автора: «Да, каждый обдѣлывает свои дела». С намеком на нас. Гаденько сразу делается. Ужасающая безнравственность — подозревать актеров.

Не получаем мы доллары за этот спектакль. И делать бизнес на нем не собираемся. Каждый из нас, из «Артели артистов», способен собрать полные залы, целые дворцы спорта. Причем не утруждая себя, работая на старых номерах.

— А если я спрошу вас все-таки о роли Ленина в шатровской пьесе, вы меня тоже обвините в поисках «жареного»?

— Может быть, и не обвиню. Но это долгий разговор. Нужен долгий разговор?

— Начнем, там видно будет.

— Подумаешь... Тогда все равно с самого начала. Я рос в такой семье, где были репрессированные. Я много знал. Я много читал.

Я бежал от людей, от си-

туаций, которые заставляли быть рабом. Я это ненавидел. Страна-то была, всех гнавшая в рабство. Но себе я устраивал маленькие праздники, уходил. И к роли Ленина никогда не шел.

Я никогда не был в партии, что тоже очень важно. Комика в партию звать вообще опасно. И вдруг...

Да, многие были удивлены: зачем Сапжа-то туда полез? И зачем мне самому нужна была эта роль?

Ко мне пришел Шатров и сказал: именно ты должен сыграть Ленина. Ну а дальше надо рассказывать, как я отказывался, а меня уговаривали.

Мне было смешно. Ведь я даже не был похож на Ленина. Каждое утро я стоял перед зеркалом в ванной и ничего не мог понять. И так скривлюсь — не похож, и так...

А что было в Министерстве культуры... Демичев запретил мне играть. Сказал, что «тетка» не имеет права на эту роль. Он вообще требовал, чтобы договорились с Лавровым. Ефремов решил иначе.

Что меня привлекло в этой роли? Я в то время прочитал книгу Солженицына «Ленин в Цюрихе». Вот и все. Вовремя прочитал. И наступило какое-то озарение. Ведь это же маньяк, жестокий, трагический. Раб своей идеи. Отчаянный. Фанатик. Я не подозревал даже о таком Ленине.

А роль в пьесе Шатрова давала возможность показать именно такого Ленина. Его трагедию и одиночество.

Но я никогда не стыдился и не буду стыдиться этой роли. Это очень важно на фоне всеобщего перерождения.

(Перед великим Чаплином таких проблем, точно, не было. Но здесь — Россия. Ерунда, кстати, что Калягин не обижен. Обижен. Хотя бы потому, что МХАТ не понал в разряд культурного достоинства России. В отличие от Малого театра... Глупо, но пенять не на кого. Но, наверное, и обязательно: когда власть признается в любви, это мало что значит.

«Неизвестный» Калягин при всей своей уверенности, кажется, просто устал. «Воз-

раст такой», и нужно выговориться?)

— А по натуре вы — игрок?

Калягин отвлекся от «ленинщины» и решил «сыграть» этот вопрос:

— В каком смысле, простите?

— В шекспировском...

— Ха, я люблю играть в жизни. Это спасение. Иногда бодрись себя игрой. Чтобы не утонуть, чтобы не злиться. Чтобы не впасть в брешь. Поэтому моим родственникам не везет. Им кажется, что на сцене я такой же, как в жизни.

— К своему рецепту спасения вы прибегаете часто?

— Даже в самые счастливые моменты своей жизни я никогда не отдаю радости безудержно. Мне моментально становится грустно. Я не знаю до конца, что такое радость. Зато хорошо знаю ее обратную сторону. Какая-то трагическая изнанка.

— У вас не возникало желания уехать?

— Нет. Я реально осознаю, что там не нужен. Но опять-таки не в этом дело. Желания не возникало. Но вот говорит человек (вдохновенно и с естественным апломбом. — С. Б.): «Я никогда не покину Родину». Вдруг, ба-бах, человек оказывается там.

— Загадывать боитесь?

— Наверное. Но я убежден, что не нужен там со своей профессией. Со своим русским языком.

И вообще мы все привыкли здесь друг к другу. Любим поговорить, позаниматься массажем души. Это прекрасно, и мы этим живы. Одно плохо: мы не привыкли к тому, что такое деньги. А там не занимаются массажем души.

(Зато мы привыкаем к деньгам. Все большие города похожи друг на друга. Эти города живы страстями отнюдь не театральными. Страсти бьются в двух сотнях метров от МХАТа. Центр Москвы, Тверская, с ее блеском и нищетой. «Огни большого города», печальные огни.)

Калягин: «Но начинаешь играть. Не потому, что пусто. Наоборот, безумно тяжело. И безумно грустно. И маетно».

С. БЕРЕСТОВ.